

РЫБАКИ В УСТЬЕ КОНГО

ЮРИЙ ГАВРИЛОВ

Устье Конго — широкая воронка, прорезавшая береговую линию, — открылось нам утром, африканским утром, которое, как ему и полагается, было знойным и влажным. Земля неторопливо надвигалась на нас, и вот уже справа и слева — берега, покрытые плотным ярко-зеленым ковром. Растительность на берегу так густа, что в ста метрах уже не различишь в ее массе ствол отдельного дерева. Мы делаем первые километры вверх по Конго — второй, как свидетельствуют справочники, по величине среди рек Африки. Второй по длине, но, несомненно, первой по малоизученности, загадочности, обилию интересного. Когда говорят «Конго», это волнует воображение не меньше, чем когда говорят «Амазонка». И это справедливо. Жизнь африканских народов на Конго, их история, жизнь самой реки — здесь еще немало тайн и загадок, раскрыть которые не так-то просто. Недаром, чтобы добраться до истоков Конго, европейцам понадобилось почти четыреста лет, и то они сделали это, не поднимаясь по реке, а выйдя к истокам с восточного побережья континента.

Когда колонизаторы судорожно рвали на куски западное побережье Африки, то на долю бельгийцев, завладевших самой богатой колонией в мире, осталось лишь сорок километров береговой ленты, да и то на одной стороне реки. Так, низовья реки, исторически заселенные одной этнической группой, оказались поделенными между тремя государствами.

В августе 1960 года нам довелось побывать в устье Конго. На борт нашего теплохода поднялись два лоцмана-бельгийца. От них получаем первые сведения о реке.

— Течение очень быстрое. Река капризная, так что вы, может быть, последнее судно, которое пойдет вверх...

— Почему?

— Надо расчищать русло, следить, чтобы не нарастали мели. Нужна драга.

— Так что же, нет драги?

— Да нет, драга есть...

Драга есть, но, как считают бельгийцы, одним неграм с ней не управиться. А ведь белых осталось в этих местах всего четыре человека. Кроме того, нет негров-лоцманов, значит, водить суда тоже некому. И когда, прощаясь, бельгийцы желают нам счастливого пути, это звучит

скорее иронически. Спустя две недели на обратном пути нам приятно было убедиться, что прощества бельгийцев оказались ложными: конголезцы без помощи бельгийцев расчистили фарватер.

Мы бросили якорь неподалеку от нескольких небольших островков. Их в низовьях великое множество, и поэтому все попытки определить на глаз ширину реки тщетны. Кто знает, где он, настоящий берег, за этими островами, отстоящими друг от друга то на несколько сот метров, то на несколько километров? Весь первый день мы тщательно изучали эти острова, но только... в бинокль. Сходить на берег поначалу представлялось нам небезопасным. Ведь, если верить книгам и «очевидцам», здесь каждую секунду можно ожидать если не удава копьём, то выстрела из лука или чего-либо подобного. Мы рассматривали многочисленные пироги, снующие в узких протоках, африканцев, гребущих стоя, какие-то постройки, выглядывающие из-за кустов. Жители устья Конго были заняты привычным делом. В протоках они ставили и вытаскивали рыболовные снасти, сновали на своих пирогах, постоянно причаливали к островкам и отчаливали от них.

Африканцы не выказали особого любопытства, завидев наше судно. Приход парохода — для них обычная вещь. Мимо нас в обе стороны проходили большие океанские суда. Они шли в Матади или из Матади — крупнейшего конголезского порта, где производятся все грузовые операции. Нередко мимо нас, проскальзывали, словно змеи, бельгийские военные корабли, окрашенные в серый цвет. Они шли в океан.

Уже первые часы пребывания в водах Конго дали нам почувствовать всю мощь реки, необыкновенную силу ее течения, с которым едва справляется крупное океанское судно. Обилие всякого рода живности в ней поразило нас. За время стоянки мы поймали (это в реке-то!) даже небольшую акулу, видимо, случайно зашедшую в устье из океана. Африканцы научили наших матросов искусно вылавливать больших сомов и других полуметровых рыб. Однажды из воды рядом с лодкой, на которой мы плыли, выпрыгнул и с шумом плюхнулся обратно скат, а водяные змеи не раз подплывали к самому судну. Нас поражали своими размерами гигантские черепахи, спойно, словно катера, выгребав-

шие против течения. Крокодилов в устье нет: во время прилива сюда заходят соленые океанские воды; а вот немного выше по течению в узких притоках с отмелями, в небольших речушках, впадающих в Конго, крокодилов великое множество. Охота на них опасна. И, однако, это один из источников существования местного населения. В крупных городах страны приезжим постоянно предлагают всевозможные изделия из крокодиловой кожи.

Вечером где-то чуть дальше, очевидно, на одном из островов над буйными лесами поднялось пламя. Вдали слышались звуки африканского барабана, знаменитого там-тама, производившие в ночи чуть ли не зловещее впечатление. Воображению, разумеется, представились африканцы с копьями и луками, пляшущие вокруг костров...

Впоследствии мы узнали, что в это время года конголезцы, не зная других способов удобрения земли, обычно поджигают растительность на целом ряде участков, готовя почву для новых посевов. А уже затем обрабатывают землю деревянными мотыгами — дабами. Так поступают не только в устье, но и в других местах — на склонах холмов.

Понятно, что после такой ночи мы с некоторыми опасениями спустили лодку и отправились навстречу берегам, в сплечение протоков, где африканцы чувствуют себя полнейшими хозяевами. Уже через час стало ясно, что наши опасения напрасны.

От островка, на который мы вскоре высадились, нас отделяло примерно двести метров. Преодолев узкую полосу воды, мы сразу же попали в совершенно иную эпоху, заставившую забыть обо всем, что было прочитано об Африке. Увиденное воздействовало сильнее.

В одном из рукавов дельты нас сразу окружили пироги конголезцев, — длинные, до пяти метров, лодки, выдолбленные из единого ствола дерева, в которых гребут, орудуя самодельными, примитивными веслами-шестами. Обычно в такой лодке помещается целая небольшая семья — человек пять-шесть. В ней порою встретишь детей, порою женщину, закутанную в пеструю ткань. И мужчины нередко с удовольствием надевают куски яркой красочной материи. Ее производство — одна из немногочисленных отраслей местной обрабатывающей промышленности. В речном порту Матади мы видели женщин, которые бы-

ли замотаны в пеструю ткань с надписью «Независимость. 1960 год», хотя независимость была провозглашена всего лишь два месяца назад.

Африканцы в пирогах держатся очень дружелюбно, с радостью отвечают на наши приветствия, подъезжают, показывают свой улов — здоровенных, неизвестных нам рыб, которыми питаются живущие здесь рыбацкие племена. Я написал «племена», но это, пожалуй, не совсем точно — скорее большие семьи. Некогда они, может быть, и составляли одно большое племя, но затем оно распалось.

Они живут на островах, порою очень маленьких — до ста метров в длину, — настолько густо заросших многообразной тропической растительностью, что в центр островка проникнуть почти невозможно. Да африканцы и не испытывают в этом необходимости. Они заселяют крохотные участки длиной в двадцать-тридцать метров и в глубину острова метров на пятнадцать. Вот на таком «яточке» обычно живет семья — человек двадцать. Они занимаются рыбной ловлей, ездят на соседние более крупные острова, где выращивают бананы, собирают пальмовые плоды. Эти основные продукты питания. Африканцы почти не знают хлеба, не знают мяса. Потребление мяса в Конго в отдельные годы составляло в среднем 500 граммов на человека в год, или полтора грамма в день. По расчетам ученых, при должной интенсификации сельского хозяйства Республики Конго оно было бы в состоянии прокормить миллиард человек, то есть треть человечества. Но пока что земля Конго, несмотря на все богатство растительного и животного мира, не может прокормить даже 13—14 миллионов коренных жителей — африканцев.

В устье Конго мы познакомились с африканскими рыбаками... Это люди невысокого роста, истощенные, худые, рано стареющие и рано умирающие. Они постоянно недоедают, и потому так низка средняя продолжительность жизни конголезца.

Это не представители тех этнографических племен, о которых мы привыкли читать в книгах, которые вооружены копьями и луками, носят лишь набедренные по-

вязки и один на один схватываются с леопардом. Они не вооружены ничем, кроме больших ножей, необходимых им, чтобы проложить дорогу или причалить на пироге к заросшему густой растительностью берегу какого-либо из многочисленных островков.

Когда блуждаешь на лодке среди этих маленьких островков, то по всему, что тебя окружает, можно сказать, что ты в Африке. Громадные курчавые пальмы стоят по берегам, можно увидеть обезьян, перепрыгивающих с одного дерева на другое, попуаев всех цветов и оттенков, птиц с причудливо изогнутыми шеями.

Часть рыбаков-африканцев знает французский язык настолько, чтобы вести беседу бытового характера. Когда познакомишься с ними, они называют себя французскими именами, данными им при крещении бельгийскими миссионерами. Довольно странно слышать от африканца европейское имя Жорж или Виктор. Но позднее мы узнали, что у них есть и свои, африканские, очень красивые имена. Так, Жоржа зовут Санда, а Виктора — Ганга, и на эти

имена они откликаются явно с большим удовольствием. Они одеты в какие-то остатки европейской одежды — драные рубашки, драные штаны или трусы. Лица многих разукрашены ритуальными шрамами.

Домов в нашем понимании во многих местах вообще нет. Есть небольшие навесы. В лучшем случае они могут защитить людей от солнца, но уж никак не от дождя или ветра. Это наклонные рамы, сбитые из жердей, затянутые пальмовыми листьями. Африканцы спят под ними прямо на земле, подложив лишь какое-то подобие грубых циновок. Вся нехитрая домашняя утварь состоит из посуды, среди которой можно встретить и деревянную долбленную, да небольших палок, специально оструганных для жаренья рыбы.

Двое африканцев, дядя с племянником, возили меня на пироге сседи островков, показывая небольшие селения, приглашая познакомиться с жителями. Я заговорил о школе и узнал, что мальчик лет одиннадцати никогда не учился и не может написать ни одной буквы. Зато дядя очень

оживился и, подогнав пирогу к берегу, вскоре вернулся откуда-то с тетрадью и гордо протянул ее мне. Это была его школьная тетрадь, менее чем наполовину исписанная буквами французского алфавита. Судя по объему написанного, дядя занимался в школе не более одного месяца. Выяснилось, что он действительно ходил в школу около месяца, причем совсем недавно, уже будучи сорока с лишним лет. На всем острове это был единственный человек, хоть немного посещавший школу.

«Цивилизация» мало коснулась рыбацких племен, населяющих устье Конго, несмотря на то, что они были первыми, кто испытал на себе власть белых. Бельгийцы не проявляли большого интереса к этим местам, недра земли здесь не особенно богаты, а потому нет необходимости в принудительном, рабском труде. Все, что дала рыбакам в устье Конго западная «цивилизация» начиная с того времени, когда почти пять веков назад сюда впервые прибыл португальский фрегат, — это драные штаны и рубаша да чужое имя — Жорж или Виктор.

Дети народности базала в деревушке, расположенной к западу от Лулуабурга.

